

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П. Гареньяни¹

профессор экономического факультета Третьего университета Рима

КАПИТАЛ В НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ²

I. Два предварительных замечания

Я начну с двух предварительных замечаний по поводу неоклассической теории, на которых будет основываться моя аргументация. Затем, во втором разделе статьи, я остановлюсь на ранней догадке Хикса о том, что капитал не может быть удовлетворительно определен в терминах единой величины (*single magnitude*). С этой догадкой была связана попытка разрешения проблемы, предпринятая им в «Стоимости и капитале». Это позволит перейти в третьем разделе к рассмотрению послевоенных дебатов о капитале на той их стадии, когда получили признание такие феномены, как переключение методов производства (*reswitching of technique*)³ и обратное углубление капитала (*reverse capital deepening*)⁴. В результате защитники неоклассического подхода встали на путь переформулировки теории в терминах, предложенных Хиксом, по сути, в «Стоимости и капитале» тремя десятилетиями ранее. Наконец, в четвертом разделе статьи перейду к доказательству, развитому более подробно в другом месте (Garegnani, 2003), относительно того, что переформулированная таким образом теория также в конечном счете зависит от понимания капитала как единой величины — понимания, которое было признано недоказуемым на раннем этапе дебатов.

Первое из моих замечаний носит одновременно исторический и логический характер. Оно относится к двум подходам, которые, как можно сказать при условии достаточно сильного упрощения, попеременно доминировали в теории распределения и ценообразования со времени начала ее систематической разработки в XVIII в.

Более ранний из этих подходов — это классический подход физиократов, Смита, Рикардо и Маркса. Он по существу был основан на понятии прибавоч-

¹ Эл. адрес: sraffa@uniroma3.it

² Хочу выразить свою благодарность многочисленным коллегам, с которыми обсуждалась эта статья в процессе подготовки и в особенности докт. Саверио Фратини (Университет Рим-III), который оказал ценную помощь в интерпретации современной литературы.

³ См.: (Сраффа, 1999, гл. 12). (*Прим. пер.*)

⁴ Данный феномен связан с доказательством возможности того, что количество капитала в расчете на одного рабочего может возрастать (уменьшаться) по мере возрастания (снижения) процентной ставки. Таким образом, он опровергает предположение о неизбежном повышении эффективности капиталоемких методов производства по мере снижения «цены капитала» (или повышения «цены труда»). Как и переключение методов производства, обратное углубление капитала относится к числу «парадоксов теории капитала», раскрытие которых подрывало представление об универсальности принципа замещения факторов производства. (*Прим. пер.*)

ного продукта, которым общество может располагать и распоряжаться сверх той части произведенного продукта, которая должна быть возвращена в производственный процесс для обеспечения его повторения в неизменном масштабе. В эту последнюю часть включался, наряду с используемыми средствами производства, также и прожиточный минимум занятых рабочих, в широком смысле отождествляемый с их заработной платой. Доходы, причитающиеся другим классам общества, таким образом, включались в состав прибавочного продукта. Особый и предшествующий другим переменным характер установления реальной заработной платы позволял в то же время производить определение относительных цен и также, независимо от него, объема выпуска, формируя простую аналитическую структуру, принципиально отличную от структуры более позднего подхода. В силу институционального характера установления уровня заработной платы и гибкости, обусловленной независимым определением объема выпуска, эта аналитическая структура позволяла учитывать существенное влияние широких социальных, политических и исторических сил на функционирование экономики (Garegnani, 2002a, p. 250; Garegnani, 2007, p. 186).

Более поздний подход кристаллизовался в последней четверти XIX в., после нескольких десятилетий дрейфа от классического анализа, вокруг парных понятий предельной полезности и предельной производительности, став с тех пор доминирующим. Он основывается на принципе замещения «факторов производства» и на функциях спроса и предложения факторов и товаров, которые выводятся из концепции замещения. Данный подход по сути был развит из классической теории земельной ренты, будучи расширен для анализа распределения между заработной платой и прибылью, заменив, таким образом, понятие прибавочного продукта, с помощью которого, как мы видели, это распределение объяснялось в рамках классического подхода.

Итак, здесь мы подходим к первому предварительному замечанию, один элемент, как может быть доказано, сыграл решающую роль в переходе от раннего к позднему подходу. Этим элементом является фундаментальная роль понятия капитала как единой величины. Вскоре мы вернемся к пояснению и защите данного утверждения, которое, как я знаю, вполне может показаться в высшей степени спорным. Однако для этого мы сначала должны обратиться ко второму предварительному замечанию.

Второе замечание относится к основной характеристике капитальных благ в рыночной экономике. С точки зрения их владельцев, физически разнородные капитальные блага являются совершенными субститутами в пропорции к их стоимостям. Как ясно указал Вальрас почти полтора века назад, капитальные блага востребованы владельцами сбережений как элементы единого целостного товара, «*perpetual net income*» (Walras, 1954, pag. 242, p. 275—276). То, что это действительно целостный товар, мы подразумеваем, когда полагаем, что конкурентный арбитраж является достаточным условием для установления единой «эффективной»¹ нормы безрискового дохода на цены капитальных благ: этой норме соответствует цена такого вальрасианского товара. Принципиальных изменений сюда не вносится, если, в соответствии с современной концепцией межвременного общего экономического равновесия, устанавливая конечность временного горизонта и колебания цен, мы используем понятие «дохода следу-

¹ Определение «эффективная» используется здесь, чтобы напомнить читателю, что данный тип равенства доходов с капитала вполне согласуется и, более того, *требует* «номинального» неравенства собственных процентных ставок товаров, как только в расчет при рассмотрении равновесия принимаются изменения в относительных ценах в зависимости от периода займа (см. ниже). В таком случае изменяться будет лишь численное выражение единой эффективной нормы в зависимости от выбранного счетного товара.

ющего года (*income for next year*)», валовая единица которого имеет цену¹, определяемую через дисконтирующий множитель $(1 + r_t)^{-1}$, где r_t — «эффективная» единая норма дохода для рассматриваемого года, численно выраженная в единицах счетного товара. В последующем изложении мы будем обозначать этот товар как «будущий доход».

Теперь мы можем вернуться к первому из наших замечаний и заключить, что именно представление о целостности этого товара, или представление о капитале как о «количестве», укорененное в опыте и практике владельцев богатства², и подсказало в первую очередь идею обобщения классической теории земельной ренты для случая распределения между заработной платой и прибылью. Это расширение в действительности основано на предположении о характере изменения пропорции капитала к труду (и земле) аналогичному классическому представлению о характере изменения пропорции труда (плюс капитала) к земле. Такой характер, как предполагалось, проистекал из возможности выбора либо из альтернативных методов, доступных (прямо или косвенно) для производства данного потребительского блага, либо из методов производства альтернативных потребительских благ. Но фактом является то, что в обоих случаях альтернативные процессы производства различаются в общем *видами* используемых капитальных благ, а не теми *пропорциями* к труду, в которых задействуется каждый из видов капитальных благ. Поэтому изменчивость в «пропорции капитала к труду в экономике» не может рассматриваться в рамках неоклассической теории, в случае если разнородные капитальные блага, требуемые альтернативными методами производства или при производстве альтернативных товаров, не считаются воплощениями количеств одного и того же однородного товара, спрос на который предъявляют владельцы сбережений.

Это, однако, далеко не все, что может быть сказано о роли единого и целостного, с точки зрения владельцев сбережений, товара в возникновении неоклассической теории. Другое, еще более важное с аналитической точки зрения его значение связано с тем, что только такой товар позволяет выражать наличный фонд капитала — величину, заданную в маржиналистской теории, подобно величине земли или населения в классической теории ренты, — способом, совместимым с однородностью капитальных благ для владельцев сбережений.

Я имею в виду здесь тенденцию к установлению в условиях свободной конкуренции единой нормы безрисковой доходности на цены предложения капиталов, т. е., иначе говоря, тенденцию к равенству между ценами спроса на капитальные блага (или просто ценами) и их ценам предложения (издержками производства)³. Эта тенденция к установлению того, что, согласно Маршаллу, обычно называется «долгосрочное равновесие», в рамках которого «оборудование» приспособляется к объемам выпуска в каждой отрасли (Маршалл, 1993,

¹ Это цена единицы *валового* дохода, так как величина $\left(\frac{1}{1 + r_{t+1}}\right)^{-1}$ должна быть отложена из него в начале периода $(t + 1)$ в случае, если такая же единица валового дохода должна быть получена в периоде $(t + 2)$.

² Так, Блисс (Bliss, 1975, p. 8) правильно замечает, что капитал «взывает к тому, чтобы быть агрегированным». Он, однако, не замечает фундаментальной причины для этого, а именно однородности капитальных благ для лиц, осуществляющих сбережения.

³ Простой арбитраж, применительно к сколь угодно короткому периоду времени, будет достаточен для реализации тенденции к установлению единой нормы (безрисковой) доходности на *цены спроса* капитальных благ, например, за счет снижения этих цен ниже соответствующих цен предложения в условиях относительного избытка капитальных благ. Это, разумеется, феномен, совершенно отличный от тенденции к установлению единой нормы доходности на цены предложения, о которой идет речь в тексте. Последняя требует изменений в физическом строении капитальных запасов.

с. 38. — *Прим. пер.*) Именно такое выравнивание — традиционная характеристика конкурентной «нормы прибыли» — подразумевает полное приспособление физического строения располагаемого фонда капитала к используемым методам производства и объемам выпуска¹. Таким образом, подразумевается *эндогенный* характер определения физического строения капитала. Теперь — и здесь мы возвращаемся к потребности неоклассической теории в понятии капитала как единой стоимостной величины — эндогенный характер определения совместим с основополагающим для неоклассики рассмотрением величины располагаемого капитала как величины заданной лишь в том случае, если капитал, в свою очередь, рассматривается как текучая субстанция, способная воплотиться в любой физической форме². Без наличия единой эффективной нормы доходности, с другой стороны, положение в экономике, как оно определяется данной теорией, будет не более *устойчивым («живучим»)*³ в условиях свободной конкуренции, чем положение экономики, скажем, с различными уровнями оплаты труда одинакового качества или с ценами продуктов, отличающимися от издержек производства — явлениям сугубо аналогичным тем, что характерны для ситуации, когда для капитала не выполняется описанное выше условия единства нормы дохода.

Здесь возникает вопрос: почему такое значение придается устойчивости равновесия, при том что необходимость его обоснования приводит неоклассическую теорию к проблематичному понятию о заданной величине располагаемого капитала как о единой стоимостной величине? На самом деле наличие такой устойчивости долгое время приписывалось не что иное, как возможность обеспечения соответствия между экономической теорией и наблюдаемыми фактами. Ее выражением стало (невзирая на глубокие во всех остальных отношениях различия между классическим и неоклассическим подходами) понятие «нормальной» цены, или, более широко, «нормального» состояния в экономике, — основы экономического анализа со времени Смита, указавшего на естественную цену как «на центральную цену», к которой *«постоянно»* тяготеют цены всех товаров» (Smith, 1776 [1962], I, VII, p. 51, курсив мой. — П. Г.). Устойчивость нормальных цен, обеспечиваемая в условиях конкуренции описанной выше тенденцией к установлению единой нормы доходности, фактически рассматривалась как условие *повторяемости сделок*, которые, осуществляясь на основе стабильных условий, были бы в целом достаточны для компенсации временных «случайных» отклонений действительных цен от нормальных. Таким образом, устойчивость нормальных цен позволяла бы связывать между собой теоретиче-

¹ Единство нормы доходности на цены предложения капиталов естественно исключает, как это традиционно и подразумевается на том уровне абстрагирования, который связан с анализом нормальной цены, наличие в составе фонда располагаемого капитала «устаревших» капитальных благ, относящихся к методам производства в настоящий момент уступающим в эффективности другим методам при любом возможном сочетании распределительных переменных. Гораздо более тревожным фактом для теории, рассматривающей объем располагаемого капитала как величину заданную, является то, что то же единство нормы доходности исключает присутствие в составе наличного капитала тех видов капитальных благ, которые, не являясь «устаревшими» в описанном выше смысле, связаны, однако, с методами производства, отличными от доминирующих в условиях рассматриваемого равновесия. (Данный вопрос не рассматривался Вальрасом, который предполагал, что все методы производства требуют одних и тех же капитальных благ, пусть и используемых в разных пропорциях. Но он вместе с тем отражает более общий случай, что усиливает неоклассическую потребность в капитале как в единой стоимостной величине, которая может принимать форму любого конкретного капитального блага.)

² См., напр.: (Hicks 1932a, p. 20–21), где указывается на необходимости рассматривать предельный продукт труда, для которого «количество», но не «форма» «сотрудничающего» капитала остается неизменной.

³ «Именно *живучесть* рассматриваемых факторов и время, в течение которого они могут полностью себя проявить, заставляет нас противопоставлять «рыночные» и «нормальные» цены...» (Маршалл, 1993, V, III, курсив автора). Данный вопрос рассматривается в (Garegnani, 2002b).

ские переменные и некоторые усредненные значения реальных экономических показателей.

Поэтому не является простой случайностью или следствием привычки то, что понятие наличного капитала как единой стоимостной величины использовалось с разной степенью эксплицитности во всех основных работах по неоклассической теории (за единственным частичным исключением работ Вальраса) вплоть до событий, произошедших несколько десятилетий назад, на описании которых мы остановимся ниже. На этой идее базируются два ключевых положения неоклассического подхода: достоверность непосредственно выводимого из нее принципа замещения факторов производства и при условии определения «нормального» состояния экономики возможность установления связи между теоретическими переменными и наблюдаемыми величинами. Оба они, как представляется, существенно важны для предотвращения сползания теории до уровня интеллектуальной игры¹.

Представляется возможным сделать следующее утверждение: *как только* начинает применяться неоклассический аппарат функций спроса и предложения, природа капитала как единого для всех владельцев сбережений товара приводит к необходимости рассматривать капитал в качестве единой стоимостной величины. Количество этого товара, на основе которого владельцы сбережений формируют свои решения по спросу, приобретает поэтому такую же важность для системы, как и количество любого другого товара, на основе которого формируется решения по спросу потребителями. Более того, мы утверждаем, что причины возникновения потребности в таком понимании капитала связаны не только с применением концепции нормального состояния. Ниже, в четвертом разделе статьи, мы обратимся к точке зрения (Garegnani, 2003) о том, что понятие капитала как единого товара все равно возникает со всеми связанными с ним трудностями в современных формулировках неоклассической теории, которая отделилась от него на уровне рассмотрения исходных факторов производства.

Вполне понятно, что однородность капитальных благ для владельцев сбережений не может не найти отражения в экономической теории — представители классической политической экономии также склонялись к трактовке капитала как единой величины. Но существенно важным различием в данном отношении является тот факт, что оперирование отличной от неоклассической теорией распределения и ценообразования, основанной на понятии прибавочного продукта — иными словами, отсутствие аппарата функций спроса и предложения — избавляло экономистов-классиков от отмеченных выше двух причин, ведущих к необходимости рассмотрения капитала как единой величины. Как демонстрирует, например, современное возрождение классической политической экономии, предпринятое Сраффой, для определения цен и параметров распределения вполне достаточно представления капитала в векторной форме² с тем, чтобы он занял свое место среди других детерминант, выражающих технические условия производства.

II. Неоклассическая проблема и «Стоимость и капитал» Дж. Хикса

Мы закончили рассмотрение двух предварительных замечаний и теперь можем перейти к анализу послевоенных дебатов о капитале, остановившись в данном разделе на рассмотрении центрального вопроса этих дебатов.

¹ Эту опасность, кажется, распознает Малинво, когда пишет о «серьезном риске потери экономической теорией контакта с реальностью и ее развитии в схоластику» (Malinvaud, 1991, p. 66).

² См., напр.: (Garegnani, 1960, p. viii; Garegnani, 1990, p. 2).

Потребность неоклассики в капитале как единой величине ставит проблему, требовавшую разрешения с самого начала развития этой теории. «Количество» этого особого фактора производства необходимо было измерять независимо от пропорций распределения и относительных цен, которые должны были определяться с его помощью, подобно тому, как в рамках классического подхода независимо определялись количества земли и труда при определении ренты. Однако тот товар, спрос на который предъявляют владельцы сбережений, очевидно, невозможно было *напрямую* измерить независимым образом. Ведь для них его непосредственным выражением является *стоимость* капитальных благ, выраженная через какой-либо счетный товар. Основной проблемой новой теории поэтому стала необходимость измерения капитала как единой величины способом, во-первых, независимым от пропорций распределения (условие, которое не выполняется для стоимости капитальных благ) и, во-вторых, соответствующим образом связанным со стоимостной оценкой, на основе которой владельцы сбережений принимают решения. Способом примирения двух указанных условий, который пытались применять исследователи со времен Джевонса и Бем-Баверка, стало использование концепции «среднего периода производства», в течение которого труд и в целом все невоспроизводимые факторы производства остаются вложенными прямо или косвенно в каждый метод производства товара и его прямые и косвенные методы производства. Как известно, этот способ основывался (1) на необходимости учитывать сложную ставку процента на авансы для невоспроизводимых факторов; (2) на множественности таких факторов; (3) на основном капитале¹.

Невозможность непротиворечивого определения концепции «количества капитала», берущей начало в попытке обобщения классической теории ренты, вполне закономерно привело к стремлению отказаться от нее путем частичного возвращения к классическому анализу (что в действительности уже происходило, когда в середине XIX в. были отмечены теории «фонда заработной платы», предшественники неоклассического подхода). Однако принцип замещения факторов производства и вытекающий из него аппарат функций спроса и предложения, очевидно, уже слишком глубоко укоренился к тому времени, и это сделало отход от них невозможным. В то же время предложенная Маршаллом интерпретация наследия Рикардо и классической политической экономии как примитивного изложения теории спроса и предложения, упрощенная предпосылкой о постоянной отдаче, преуспела в стирании следов альтернативного аналитического подхода, доминировавшего в экономической науке более века до «маржиналистской революции». Поэтому, когда стало возникать понимание того, что капитал не может в конечном счете рассматриваться как единая величина, реакцией на это стало применение принципа замещения к отдельным капитальным благам, рассматриваемым как целостные «факторы», при практически полном отсутствии эксплицитного анализа тех трудностей, которые такая замена ставила перед теорией.

Дж. Хикс (Hicks, [1939] 1993), вероятно, оказал решающее влияние на вывод магистрального направления теории на описанный путь выхода из затруднительного положения. В своей работе «Теория заработной платы» (Hicks, 1932) он еще опирался на идею нормального состояния и, следовательно, на традиционное понятие «количества капитала», выражаемое через стоимостную величину (Garegnani, 1976, p. 12). Но довольно быстро он пришел к догадке о том, что это понятие в конечном счете не может быть жизнеспособным и нуждается в за-

¹ См.: (Garegnani, 1960, part I, ch. III, part II, ch. IV; 1990, p. 23–31), где рассматриваются понятие среднего периода производства и его дефекты с точки зрения маржиналистской теории.

мене¹. Поэтому в работе «Стоимость и капитал» он перешел к теоретическому рассмотрению заданной величины располагаемого капитала как вектора капитальных благ. Именно эту концепцию применил Вальрас еще в 1877 г. (Walras, 1877, p. 568—569)², поначалу не осознав ее несоответствия необходимости установления единой нормы доходности на цены предложения капитальных благ, без чего невозможно достижение нормального состояния — состояния, которое он, как все его предшественники и современники, изначально пытался определить (Garegnani, 1960, part II, ch. 2, 3; Garegnani, 1990, p. 13—19).

Необходимость, пусть и имплицитная, признания противоречивости подхода Вальраса означала, однако, что Хиксу пришлось дополнить принятие новой концепции капитала отказом от идеи нормального состояния, а потому с неизбежностью и фундаментальными изменениями в концепции равновесия. Тенденция к установлению единой нормы прибыли под воздействием конкуренции, несомненно, является мощным механизмом для значимых изменений в структуре капитальных запасов, не соответствующих наиболее прибыльным методам производства и видам продукции. Это вызывает значимые изменения в ценах производственных товаров и услуг. Устойчивость равновесия, оправдывающая определение нормального состояния путем абстрагирования от изменений в последнем, не может быть более обоснованна (при отходе от понимания капитала как единой стоимостной величины). Для вывода анализа из тупика в таком случае необходимо рассмотрение эффекта будущих условий на сегодняшние рынки производственных товаров и услуг.

Это рассмотрение производилось двумя способами. Первый заключался во введении в анализ учета «ожидаемых цен» и их воздействия на «временные равновесия». Именно на такой путь встал сам Хикс в «Стоимости и капитале». В качестве альтернативы при стремлении поставить теорию на основу чего-то менее непостоянного и изменчивого, чем ожидания, анализ мог быть расширен за счет введения воображаемых рынков будущих товаров и факторов производства с тем, чтобы будущие цены как бы обрели существование в настоящем. В пределе предпосылка будущих рынков могла бы быть расширена для всех товаров и факторов производства на всем предполагаемом времени существования экономики, что и было сделано в обосновании общего межвременного равновесия сначала у Эрроу и Дебрё (Arrow, Debreu, 1954), затем у Дебрё (Debreu, 1959).

Появление и этих переформулировок неоклассической теории в русле ее основного течения также может считаться следствием влияния «Стоимости и капитала», потому что возможность последней альтернативы — межвременного общего равновесия — также возникла в этой книге ((Hicks, 1939, 136 ff.) и была существенно дополнена в дальнейшем «датированием» товаров в условиях «статического общего равновесия» из ее первой и второй частей.

Данные переформулировки неоклассической теории, которые для краткости могут обозначаться как «хиксианские», подвержены, однако, двум дефектам, являющимся зеркальным отражением тех двух причин, с которыми, как мы утверждали в первом разделе, связано появление у истоков маржиналистской теории понятия капитала, рассматриваемого, с точки зрения владельцев сбережений, в качестве единого товара. Это, во-первых, отсутствие замещаемости между «факторами производства» в условиях, когда капитальные блага понима-

¹ О влиянии, которое оказало на Хикса замечание Шоува (Shove) в написанном им обзоре работы Хикса (Hicks, 1932a) см. (Garegnani, 1976, p. 12).

² Эта работа воспроизводит доклад, сделанный Вальрасом в июле 1876 г. в «Société Vaudoise des Sciences Naturelle». В том же 1877 г. он опубликовал второй выпуск первого издания «Элементов...», содержащий его теорию образования капитала.

ются в вальрасианском смысле¹; и, во-вторых, уже упоминавшееся отсутствие устойчивости в системе, а значит, и отсутствие потенциальной связи с наблюдаемыми феноменами. И это в равной степени касается и «временного равновесия», и тех равновесий на каждую «дату», которые, так сказать, составляют кирпичики общего межвременного равновесия².

Очевидно, именно эти затруднения, по-разному воспринимаемые и выражаемые, привели к тому, что, невзирая на известность автора и понятные затруднения, связанные с применением альтернативной концепции капитала как единой величины, концепция капитала, предложенная Вальрасом, не смогла занять место в русле основного течения экономической науки на протяжении шести десятилетий, прошедших между ее первой формулировкой в 1876 г. и ее возрождением Хиксом в 1939 г. Сам Хикс лишь за несколько лет до выхода в свет «Стоимости и капитала» скептически заметил в 1932 г., что «[теории капитала Вальраса и Парето] являются заключительными частями их работ, которые читатель может рассматривать как законченные или принять без особо тщательного обсуждения» (Hicks, 1932b, p. 297).

Примерно как и в случае с Вальрасом, концепция капитала Хикса и связанная с ней «теория динамики», изложенная в «Стоимости и капитале», поначалу не оказала практически никакого влияния на «мейнстрим» того времени. Так, она не нашла никакого или практически никакого отражения в тогдашнем центре разработки экономической теории — Кембридже, где работали Пигу, Кейнс, Робертсон. Вполне возможно, что и ее влияние распространялись бы лишь на узкий круг экономистов-математиков³, работающих на периферии основного течения науки (как в действительности и было до этого), если бы не появление некоторых примечательных результатов, сопровождавших работу Пьеро Сраффы по классическому подходу к ценообразованию и распределению, происшедших в направлении обратного углубления капитала, «предварительно» пред-

¹ При том способе рассмотрения факторов производства, что использовался Вальрасом, принцип замещения можно попытаться ввести в систему за счет анализа изменений *во времени*, происходящих с появлением валовых инвестиций, по мере того, как новые, более прибыльные капитальные блага вытесняют существующие. Таким образом, товар, спрос на который предъявляют владельцы сбережений (капитал), может прямо фигурировать как объект в потоках сбережений и инвестиций. Однако и в этом случае (1) замещение будет практически полностью отсутствовать в условиях начального равновесия с физически существующим капиталом, что в силу логики системы неизбежно должно сильно отразиться на всех последующих состояниях; (2) возникшие таким образом ограничения в замещаемости вновь потребуют введения понятия капитала как единой величины, подтверждая необходимость данного понятия для анализа замещения факторов.

² Интересно заметить, что указанные дефекты используемого вальрасианского подхода не упоминаются в «Стоимости и капитале», хотя проблема, связанная с замещаемостью факторов, нашла отражение в дебатах 1932 г. между Хиксом и Робертсоном (Hicks, 1932b, Robertson, 1931). В их ходе оба автора подчеркнули необходимость допущения об изменении «формы» фондом «капитала» для того, чтобы обеспечить возможность появления предельных продуктов и в общем достаточной степени замещаемости факторов. Снова Хикс обращается к данному вопросу в «Теории заработной платы» (Hicks, 1932a, p. 20), где, в частности, он противопоставляет предельный продукт труда в условиях «полного равновесия» и «короткого периода». В последнем случае, как утверждает, ни «форма», ни «количество» капитала не изменяются. Поэтому данное понятие отмечается на том основании, что «ему вряд ли может быть придан какой-либо точный смысл, делающий возможным плодотворное использование». Это имеет отношение прежде всего к проблеме замещаемости факторов, однако противопоставление между предельным продуктом труда в условиях «полного равновесия» и «короткого периода» подразумевает, как представляется, также и осведомленность о втором дефекте, связанном с векториальной концепцией капитала, а именно с разницей в эффективности доходности на цены предложения капиталов.

³ На самом деле концепция капитала Вальраса использовалась задолго до Хикса экономистами-математиками при практически полном невнимании со стороны основного направления экономической науки того времени. См., напр. (Wald, 1936).

ставленных Дж. Робинсон¹ в 1950-е гг., которые оказались достаточным основанием для того, чтобы вскоре сделать неприемлемым понятие капитала как единого фактора на уровне чистой теории. Таким образом, был открыт путь для доминирования по сути единственной альтернативы, сочетающейся с предпосылками неоклассической теории: понятия капитала по Вальрасу и необходимым изменениями в концепции равновесия по Хиксу. Появление этой альтернативы знаменует, если можно так выразиться, «хиксианский водораздел» в развитии неоклассической теории.

III. Дебаты о капитале и «Стоимость и капитал» Дж. Хикса

Таким образом, мы подошли к сути послевоенных дебатов о капитале, обратившись к ним на их заключительной стадии, когда, как было отмечено выше, защита неоклассической теории пошла по пути переформулировок, берущих начало у Хикса.

Можно было бы ожидать, что на данной стадии дефекты, связанные с переформулировками, займут если и не центральное, то по крайней мере заметное место в ходе дебатов. Однако способ, которыми они были введены в «Стоимости и капитале» почти за тридцать лет до того, затруднили их ясное понимание и постановку в центр дискуссии. Поэтому мы должны вновь обратиться к тем аспектам аргументации Хикса, которые оказали, я уверен, решающее воздействие на неубедительность завершающей стадии дебатов о капитале.

Несмотря на заголовок работы, на первом плане в «Стоимости и капитале» находится не столько проблема капитала, сколько провозглашенная необходимость в «динамической теории», сопровождаемая критикой того, что определяется как «статическая теория» «экономистов прошлых времен» (Хикс, [1939] 1993, с. 217). Примечательно однако то, что когда мы обращаемся к характеристике «статической теории», то там не находится места для нормального состояния, бывшего поистине краеугольным камнем для тех экономистов. Приписывается же им, как мы сейчас увидим, представления о двух видах равновесия, которые, хотя и имеют несколько общих черт с ситуацией нормального состояния, не тождественны ему.

Первый из видов, по словам Хикса, это статическая теория, выраженная «строгим, последовательным способом». Этот способ анализируется в первой и второй частях «Стоимости и капитала», где Хикс заменяет предыдущее понятие наличного фонда капитала как единой величины, вальрасианским понятием капитала как заданного вектора капитальных благ. Хикс вместе с тем вынужден признать, что такая концепция равновесия не выражает действительных идей экономистов прошлого.

Поэтому нам необходимо обратиться ко второму определению равновесия экономистами прошлого, представленному Хиксом. И здесь обнаруживается место для концепции стационарного состояния (Хикс, [1939] 1993, с. 218—219), в условиях которого стимулы к чистым сбережениям отсутствуют. Но и такая концепция достаточно сильно отличается от неоклассической концепции нормального состояния. Она схожа с последней в одном аспекте, а именно в предположении о неизменности цен, используемом в описании условий равновесия. На даже в этом отношении две концепции радикально отличаются. В рамках нормального состояния неизменность наличного фонда (запаса) капитала, а потому и относительных цен, является лишь допущением,

¹ См. (Robinson, 1970, p. 144—145) об использовании ею результатов Сраффы.

основанном на абстрагировании от изменений, которые, как признается, в действительности имеют место в экономике. Эта абстракция базируется на идее об устойчивости такого состояния, обусловленной относительной медленностью изменений в его условиях, прежде всего медленностью изменения величины единственного эндогенного параметра — фонда капитала¹. Напротив, для стационарного состояния та же неизменность капитала выступает эндогенным результатом равновесного условия нулевых чистых сбережений. В результате фонд капитала выступает *неизвестным* в уравнениях, а не *исходным* параметром, как в случае с нормальным состоянием². То же самое верно для пропорции капитала к труду в условиях «устойчивого состояния», ставшего в послевоенный период самой распространенной формой стационарного состояния используемой в анализе.

Парадокс «Стоимости и капитала» заключается в том, что в описании «обычного подхода экономистов прошлых времен» мы не находим важнейшего признака этого «обычного подхода», встречающегося в том числе у самого Хикса в «Теории заработной платы», а именно понятия нормального состояния.

С исчезновением понятия нормального состояния связан и другой, более примечательный парадокс: в работе Хикса мы не обнаруживаем никакой специальной критики нормального состояния — той самой концепции, которую он намеревался заменить своей «динамической теорией». Место находится лишь для критического упоминания о нереалистичности предпосылки о постоянстве цен при определении равновесия (Хикс, [1939] 1993, с. 218—219) — критике, которая была бы более убедительной, если бы «предшествующая теория» и в самом деле основывалась (что совсем не так) на концепции «стационарных состояний» по Хиксу или на концепции перехода от одного кратковременного равновесия к другому, изложенной в частях I и II его «Стоимости и капитала».

На самом же деле, влияние будущих цен на текущие не выпадало из поля зрения экономистов, начиная со Смита, разделявшего «рыночные» «естественные» цены, и вплоть до Вальраса, Маршалла, Пигу, Викселля и других. В той степени, в которой ожидаемые цены отражали лишь воздействие «случайных» обстоятельств, или же затухание такого рода воздействия, их влиянием вполне можно было пренебрегать в силу выравнивания цен на уровне нормальных, обеспечивающимся устойчивостью нормального состояния. И только тогда, когда ожидаемые цены отражали воздействие изменений в *исходных условиях* нормального состояния, их влияние подлежало рассмотрению путем сопоставления двух соответствующих нормальных состояний.

Истинной причиной приписывания предшествующим Хиксу экономистам невнимания к ценовым изменениям, остающейся не выраженной явно в «Сто-

---

¹ Например, как писал Маршалл, «когда мы рассматриваем весь мир в целом или даже большую страну в целом как единый рынок капитала, мы не можем считать, что совокупное предложение последнего способно быстро и в большой степени измениться в результате изменения процентной ставки» (Marschall, 1920 [1993], VI, ii, 4).

² Явная подмена Хиксом концепции нормального состояния концепцией стационарного была облегчена частым использованием термина «стационарное» для обозначения условий нормального состояния под предлогом отсутствия в нем изменения относительных цен. Однако еще ранее Л. Роббинс (Robbins, 1930) четко указал на такое смешение, разделив «статическое» и «стационарное» состояния экономики. С другой стороны, то, что Хикс приписывает «экономистам прошлых времен» именно идею «стационарного», а не «нормального» состояния, особенно очевидно, когда он пишет, что в характеристике ими такого состояния «количество промежуточных продуктов — количество капитала — определяется посредством процентной ставки <...> зафиксированной на уровне, который не создает стимулов для чистого роста или чистого сокращения сбережений» (Hicks, 1939, p. 118).

имости и капитале»¹, стало то, что *устойчивость* нормального состояния, позволяющая *абстрагироваться* от ценовых изменений, основывалась у них на понимании наличного фонда капитала как единой величины, могущей изменять свою физическую форму. А это как раз то, что, как прекрасно знал Хикс в 1939 г., в отличие от 1932 г., *не может* быть применено. При отбрасывании «стационарных состояний» как заведомо нереалистичных, единственной доступной возможностью оставалась замена нормального состояния статическим равновесием, в рамках которого переход от одного кратковременного равновесия к другому делал неизбежным переход к опоре на «датированные» цена и количества. Иными словами, потребность в «динамике» была *следствием*, а не *причиной* изменений в теории капитала, в противоположность тому, что подразумевал сам Хикс в Предисловии (Hicks, 1939 [1993], см., напр.: с. 98).

Исчезновение нормального состояния из аргументации Хикса оказало значительное влияние на развернувшиеся тридцать лет спустя дебаты. В силу большого прямого и косвенного влияния «Стоимости и капитала» к тому времени отказ от идеи нормального состояния вызвал серию эффектов, которые привели к затушевыванию базовых положений проблемы капитала в неоклассической теории. Мы постараемся обобщить эти эффекты в следующих четырех пунктах.

Во-первых, произошедшее исчезновение привело к отходу от наиболее явно выраженного выражения зависимости неоклассической теории от понятия капитала как единой величины — капитал в этом смысле выступал как исходное значение для определения нормального состояния. С одной стороны, это превратило использование понятия капитала в предшествующей неоклассической теории из простого исторического факта² в яблоко раздора. С другой стороны, это затруднило понимание роли и значения концепции «количества капитала» для основ аналитической структуры теории. В результате, что еще более важно, оказалось затруднено осознание продолжающейся зависимости переформулированной теории от данной концепции — на чем мы остановимся в следующем разделе.

Во-вторых, исчезновение нормального состояния сопровождалось исчезновением связанного с ним ключевого условия — выравнивания эффективной доходности на цены предложения (продажные цены) капиталов, или на их себестоимость (т. е. равенства цен спроса и предложения капитальных благ), которое обеспечивало сохранение устойчивости нормального состояния и возможность связи между теорией и наблюдаемыми феноменами³. Поэтому, когда критики неоклассики в ходе дебатов обращали внимание на исчезновение данного условия, с тем

¹ За исключением, пожалуй одного места, процитированного в (Garegnani, 1976, p. 32): «Конечно, довольствоваться статическими методами анализа сделалось привычным только потому, что исследователи не подозревали об ограниченности этих методов. Так, в свои статические теории они нередко вводили понятие капитала как «фактора производства» и процента как «цены капитала», полагая, что капитал можно причислить к статическим факторам. <...> Никто и не думал отрицать, что этим допускается известная ошибка <...>» (Hicks, 1939, p. 116 n., цит. по: Хикс, 1993, с. 216, прим. 1). Хикс, однако, не разъясняет нам, в чем заключалась эта «ошибка».

² Так, Хан утверждает: «Мне представляется невозможным (с точки зрения интеллектуальной истории) утверждать, что возможность совершенного агрегирования капитала (или труда) является частью неклассической доктрины» (Hahn, 1982, p. 384). Однако трудно представить интеллектуальную историю, в которой, скажем, Бём-Баверк, Дж. Б. Кларк, Пигу и другие использовали бы «агрегирование» капитала, не признавая возможности этого.

³ Примечательно и опять-таки весьма показательно, что возрождение Хиксом в I и II частях «Стоимости и капитала» теории капитала Вальраса сопровождалось полным исчезновением уравнений «формирования капитала» последнего (Вальрас, 1954 [2000], урок 23), содержащих условие равной дохода, а также отношение, уравнивающее спрос и предложение «чистого постоянного дохода», т. е., пользуясь современной терминологией, сбережения и инвестиции. Таким образом, возникла серьезная проблема в «статической теории», изложенной в первой и второй частях «Стоимости и капитала», детальное рассмотрение которых выходит за рамки данной работы.

чтобы обосновать необходимость опоры на нормальное состояние и указать на зависимость неоклассики от понятия капитала как единого «текущего» фонда, они не находили понимания, тогда как само условие смешивалось с совершенно другим условием равенства собственных процентных ставок товаров, выступающим лишь синонимом предпосылки о неизменности цен при достижении равновесия¹.

В-третьих, что еще более важно, смешение нормального состояния и стационарного или устойчивого состояния привело многих участников дебатов к принятию за данность обвинения Хикса в том, что «предшествующая теория» была неприменима к условиям реального мира (Хикс, [1939] 1993, с. 222). Мы уже отмечали парадоксальность этого обвинения, и теперь можем подчеркнуть, что отбрасывание альтернативного метода анализа, основанного на понятии нормального состояния, помогло закрыть глаза на произошедший подрыв связи теории с реальностью. Причиной тому была неустойчивость равновесия в новом понимании, что и породило необходимость в особой динамической теории. На подрыв связи с реальностью неявно обратил внимание сам Хикс, который в нечасто цитируемом отрывке писал, что по его предположению «экономика всегда пребывает в состоянии равновесия»² (Хикс, [1939] 1993, с. 237). Это предположение должно было бы шокировать читателей «Стоимости и капитала»: ни один экономист до этого не предполагал, что экономика в действительности находится в состоянии равновесия или более в общем покое, кроме как по счастливой случайности. Тяготение к такому состоянию, а не его достижение всегда считалось значимым для анализа экономики условием, притом условием единственным, как полагали, для обеспечения связи экономической теории с наблюдаемыми явлениями³.

¹ Для примера, указывающего на данное смешение, см. обсуждение в (Garegnani, p. 153—154) отрывка из (Hahn, 1975), где он, откликаясь на критику «специального неоклассического случая», характеризует условия равенства доходности так: «равновесная цена какого-либо товара для будущих поставок, выраженная в том же товаре для поставок в настоящем, будет одинаковой для всех товаров» (Hahn, 1975, p. 360), что, безусловно, относится к случаю равенства собственных процентных ставок товаров, т. е. к постоянству цен, вполне совместимому логически с любым различием в доходности на цены предложения (продажные цены) капиталов. При этом равенство эффективной доходности последних будет вступать в противоречие с равенством собственной процентных ставок товаров в случае, если в учет при определении равновесия принимаются изменения цен во времени.

² Очевидно, П. Самуэльсон серьезно недооценивает сложность выявления реального пути движения экономики (что подразумевает процитированный отрывок из Хикса), когда в своих «Основаниях экономического анализа» (1947 [2002]) использует для этого аналогию с пушечным ядром, которое «может рассматриваться в состоянии равновесия в любой точке своей траектории». Но число основных сил, влияющих на пушечное ядро в каждый момент времени, сравнительно невелико. Поэтому учет их влияния на положение ядра в каждый момент времени можно произвести со степенью погрешности достаточной для установления связи между теоретическими значениями и действительным положением ядра в данный момент. Напротив, с учетом несоизмеримо большего количества сил, воздействующих на экономику в данный момент времени, ее действительное положение не может быть определено с приемлемой степенью приближения: лишь усредненные значения, полученные из наблюдений за сложившимся состоянием и отражающие влияние наиболее устойчивых из действующих сил, могут быть определены. А совокупный эффект накопленных ошибок сделает выявление траектории движения экономики еще менее достоверным, чем при расчете ее положения в конкретный момент времени. Именно это, как представляется, заставило А. Маршалла написать: «Динамические (в смысле физической науки) решения для экономических проблем являются недостижимыми. Если и прибегать к аналогиям с физикой, то мы должны сказать, что статические решения обеспечивают исходные позиции для тех *грубых и несовершенных подходов к динамическим решениям*, которые мы способны достичь» (Marshall, 1898, p. 38—39, курсив мой. — П. Г.) Указанными здесь «подходами» были, по существу, сравнения различных нормальных состояний.

³ Д. Робертсон с замечательной ясностью и простотой писал: «Мне кажется, что любой, кто отрицает две идеи, а именно: что система может двигаться в направлении равновесия и что она никогда не способна его достичь, чрезвычайно осложняет себе интерпретацию хода событий в реальном мире» (Robertson, 1957, p. 144—145).

И, наконец, в-четвертых, путаница, к которой пришла дискуссия в силу указанных неверных толкований, была усугублена тенденцией рассматривать зависимость неоклассической теории от концепции «количества капитала» исключительно в связи с эмпирически сконструированной «агрегированной производственной функцией», призванной представить выпуск в рамках всей экономики как единую однородную величину, произведенную с помощью «капитала», также однородного с ней. Именно эта концепция, использованная Солоу (Solow, 1956) для упрощенного неоклассического ответа на проблемы долгосрочного периода, поднятые Кейнсом и связанные с совокупным спросом, первоначально являлась главной мишенью для критиков неоклассического подхода. Сам по себе выбор мишени, однако, оказался неверным. Он был связан с риском отвлечения от критики противоречивости самой обобщенной идеи «замещения факторов» и сосредоточения на частной проблеме недостаточно строго выраженного упрощенного случая, который, по-видимому, не имеет отношения к ситуации, когда в рамках системы общего равновесия выделяется несколько производственных секторов. Таким образом, было упущено из виду то, что противоречивость неоклассического подхода не исчезает, вне зависимости от того, на сколько секторов может быть разделена экономика. Ведь сущность неоклассической проблемы капитала заключается не в противоречии между агрегированием и условиями общего равновесия, а в противоречии между *двумя видами общего равновесия*: традиционным, основанном на концепции нормального состояния и представленном, например у Викселя (Wicksell, 1906) или даже у Вальраса (в той степени, в какой речь идет о его первоначальном замысле), и хиксианским, основанном на отходе от данной концепции в связи с попыткой избежать опоры на понятие капитала как единой величины.

Таким образом, можно заключить, что поздние этапы дебатов о капитале были искажены рядом неправильных и неточных представлений, которые по большей части еще предстоит исправить. В силу неоспоримости феноменов переключения методов производства и обратного углубления капитала начальная стадия дебатов привела к тому, что традиционная теория капитала была отброшена на уровне чистого анализа. Но затем, когда в центре дебатов оказались следствия из данных феноменов и переформулирование теории, указанные выше неправильные и неточные представления обусловили переход к неубедительной фазе дискуссии. На это также повлияла и определенная неподготовленность критиков неоклассического подхода к переформулированию теории в духе Хикса, к которому прибегли их противники. Многие из критиков были связаны с «Кембриджской школой», для которой с самого начала было характерно игнорирование соответствующих частей «Стоимости и капитала» как чрезмерно усложненных и вряд ли плодотворных. В силу этого они, как оказалось, недооценили реальный потенциал нововведений Хикса, носивших не созидательный, а оборонительный характер. Отсутствие хорошо известной и в достаточной степени проверенной альтернативы, подобной той, что разрабатывали экономисты-классики¹, привело к приостановке развития критического направления.

¹ Элементы альтернативной теории, на которые частичное влияние оказало возрождение подхода экономистов-классиков, предпринятое Сраффой, выдвигались на начальных стадиях дебатов Робинсоном, Каном, Калдором и другими критиками неоклассического подхода. Однако озабоченность необходимостью быстрого заполнения обширной области долгосрочного анализа, которую Кейнс «оставил покрытой осколками разбитого стекла» (Robinson, 1956, p. v), могла помешать полномасштабному использованию потенциала возрожденного классического подхода, в том числе, по моему мнению, и в области обобщения и распространения достижений Кейнса в рассмотрении совокупного спроса применительно к долгосрочному периоду.

Именно указанный комплекс причин, я полагаю, оставил пространство для уверенности в том, что, несмотря на все методологические дефекты, та концепция равновесия, которая утвердилась после «хиксианского водораздела», свободна от противоречий теории капитала предшествующей версии маржиналистского подхода. Это, в свою очередь, привело к другому, столь же необоснованному убеждению в том, что если «хиксианское» переформулирование теории и, в частности, концепция общего межвременного равновесия в общем подтверждают на уровне чистого анализа пригодность аппарата функций спроса и предложения, то они также делают пригодными использование заведомо несовершенных предшествующих аналитических инструментов, прежде всего понятия «количества капитала», в качестве рабочих упрощений для прикладных исследований.

IV. Проблема капитала все еще с нами

Я считаю, что все эти убеждения безосновательны. Как я уже показывал (Garegnani, 2003), переход к концепции межвременного равновесия не избавляет в действительности от зависимости в понятии капитала как единой величины. Действительно, капитал не занимает в новой концепции прежнего заметного положения *фонда* среди располагаемого запаса факторов факторов. Тем не менее «будущий доход» как однородный товар, спрос на который предъявляют владельцы сбережений, может быть представлен в качестве потока с соответствующими функциями спроса и предложения и со своим рынком. Это именно то, что мы после Кейнса привыкли обозначать как предложение (валовых) сбережений, спрос на (валовые) инвестиции и рынок сбережений и инвестиций. Последствия противоречивости такого понимания капитала — ровно те же, что привели к отходу от традиционной теории капитала на уровне чистого анализа, — все равно стучатся в дверь¹.

Дискуссия продолжается. В связи с этим уже сейчас правомерным представляется следующая постановка вопроса: не пора ли признать, что отмеченные сложности являются лишь выражением глубинной проблемы теории, изначально основанной на понятии капитала как независимо измеряемого единого фактора производства, которого, как мы теперь понимаем, попросту не существует?

Вместе с тем прав профессор Блосс, который в предисловии к сборнику статей о капитале пишет: «В конечном счете какой бы плохой ни была старая теории, ее может побить только новая теория» (Bliss, 2008, p. xvi). Но он продолжает: «В действительности не существует хорошо разработанной альтернативной, пригодной для долгосрочного анализа теории капитала, которую можно было бы противопоставить различным ортодоксальным моделям». Здесь, как мы можем заметить, указание на необходимость теории, пригодной для *долгосрочного анализа*, ограничивает ожидаемую новизну альтернативы предпосылкой о том, что уже существует удовлетворительная теория, пригодная для краткосрочного анализа. Подобным же ограничением, как представляется, выступает его обозначение альтернативной теории как *теории капитала*, которую следует противопоставить ортодоксальным моделям. Однако вопрос, как я пытался доказать

¹ Подробнее о представлении, что уравнивание инвестиций и сбережений в рамках межвременного равновесия является не более проблематичным, чем уравнивание при изменении относительного спроса на товары в настоящем, а также о связанной идее о том, что равновесие на рынках будущего потребления, связанных со сбережениями в настоящем, может означать также равновесие между инвестициями и сбережениями в настоящем, см. в: (Garegnani, 2003, p. 130—132; Garegnani, 2005, p. 495—496).

в данной работе, на деле выходит за рамки одной лишь «теории капитала». Он связан с альтернативой между разными теориями распределения и ценообразования.

И если мы перейдем к рассмотрению в этих более широких границах, то первым делом необходимо отказаться от маршаллианской интерпретации наследия Рикардо и классической политической экономии как ранней примитивной версии более поздней теории спроса и предложения. Спрос и предложение у Рикардо и других экономистов-классиков никогда не выступали в качестве *детерминант* нормальных цен. Они лишь, так сказать, «подталкивали» «действительные» или «рыночные» цены (Smith, 1776 [1962], кн. I, гл. VI) к уровню «естественных» цен или «цен производства», устанавливаемому независимо от действия спроса и предложения теми силами, которые определяли распределение продукта между заработной платой и прибылью и которые по характеру своего действия чужды принципу замещения факторов производства в любой его форме, т. е. чужды первоначальному источнику неоклассической проблемы капитала.

Как только ясность здесь достигнута, обнаруживается наличие искомой альтернативы, свободной от трудностей, связанных с проблемой капитала. Такой альтернативой является теория, имеющая давнюю традицию, хорошо проверенная в ходе своего развития. Ее современное возрождение, начатое Сраффой (Sraffa, 1960 [1999]), включало в себя, наряду с реконструкцией аналитической структуры этой теории (в том числе и посредством сравнения с неоклассикой), и ее дальнейшее развитие, в частности, в направлении базового вопроса стабильности нормального состояния. Оно включало в себя также и разработку отдельных частных вопросов, таких как рассмотрение вопросов совместного производства, основного капитала или земельной ренты. Но, помимо всего этого, оно было направлено на использование результатов кейнсианского анализа совокупного спроса применительно к условиям как краткосрочного, так и, что еще более важно, долгосрочного периодов.

Когда видение управляющих экономикой сил, лежащее в основе классического анализа, будет должным образом усвоено, окажется, я уверен, что оно удивительно близко тому, которое вдохновляет значительное количество современных теоретических разработок, призванных выявить определяющую роль институтов в экономике. Тогда классический анализ может привести, вероятно, к развитию и уточнению проделанной в этом направлении работы, обеспечив солидный аналитический аппарат, свободный от смиренной рубашки принципа замещения факторов — принципа, подорванного результатами дебатов о капитале и опустошенного теми переформулировками, которые были произведены в рамках неоклассического подхода по их итогам.

Источники

Arrow J. K., Debreu G. Existence of an Equilibrium for a competitive economy // *Econometrica*. 1954. Vol. 22. N 3.

Bliss C. J. Capital Theory and the Distribution of Income. Amsterdam, 1974.

Bliss C. J. Introduction // *Capital Theory* / Ed. by C. J. Bliss., A. J. Cohen., G. C. Harcourt. Cheltenham. 2005. Vol. 3.

Debreu G. Theory of value. London, 1959.

Garegnani P. A problem in the theory of Distribution from Ricardo to Wicksell (unpublished Ph. D. thesis). Cambridge, 1958.

Garegnani P. Il capitale nelle teorie della distribuzione. Milano, 1960.

Garegnani P. On a Change in the Notion of Equilibrium in Recent Work on Value: Comment on Samuelson // *Essays in Modern Capital Theory* / Ed. by M. Brown, K. Sato and P. Zarembka. Amsterdam, 1976.

- Garegnani P.* Notes on Consumption, Investment and Effective Demand // Cambridge Journal of Economics. 1978. Dec.; 1979. Mar.
- Garegnani P.* Quantity of Capital // Capital Theoryю The New Palgrave. London, 1990.
- Garegnani P.* Some Notes for an Analysis of Accumulation // Beyond the Steady State / Ed. by E. Nell. London, 1992.
- Garegnani P.* Misunderstanding Classical Economics? A reply to Mark Blaug // History of Political Economy. 2002. Spring
- Garegnani P.* Sraffa's Price Equations: Stationary Economy or Normal Positions? // Is There Progress in Economics? / Ed. by S. Boehm, C. Gehrke, H. D. Kurz, R. Sturm. London, 2002b.
- Garegnani P.* Savings, Investment and Capital in a System of General Intertemporal Equilibrium // General Equilibrium: Problems and Prospects / Ed. by F. Hahn, F. Petri. London, 2003.
- Garegnani P.* Further on Capital and Intertemporal Equilibria: A Rejonder to Mandler // Metroeconomica. 2005. Nov. N 4.
- Garegnani P.* Professor Samuelson on Sraffa and the Classical Economists // The European Journal of the History of Economic Thought. 2007. Jun. Vol. 14. N 2.
- Hahn F. H.* Revival of Political Economy: the Wrong Issues and the Wrong Argument // The Economic Record. 1975. Sept. P. 360—364.
- Hahn F. H.* The Neo-Ricardians // Cambridge Journal of Economics. 1982. Vol. 6.
- Hicks J. R.* The Theory of Wages. London. (1962 [1932a]).
- Hicks J. R.* Marginal Productivity and the Lausanne School. A Reply // Economica. 1932a. Vol. 37.
- Hicks J. R.* Value and Capital. London, 1939.
- Malinvaud E.* The Next Fifty Years // The Economic Journal. 1991. Vol. 101.
- Marshall A.* Distribution and Exchange // Economic Journal. 1898. Vol. 8. P. 37—69.
- Marshall A.* Principles of Economics. London, (1962 [1920]).
- Robbins L.* On a Certain Ambiguity on the Notion of Stationary State // Economic Journal. 1930. Vol. 40.
- Robertson A.* Lectures on Economic Principles. London, 1957.
- Robertson D. H.* Wage—Grumbles // Economic Fragments. London, 1931.
- Robinson J. V.* The Accumulation of Capital. London, 1956.
- Robinson J. V.* Capital theory up to date // Canadian Journal of Economics. 1970. Vol. 3. N 2. P. 309—317.
- Samuelson P. A.* Foundations of Economic Analysis. Cambridge, [1947] 1983.
- Smith A.* The Wealth of Nations. London, (1950 [1776]).
- Solow R.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956.
- Sraffa P.* Production of Commodities by Means of Commodities. Cambridge, 1960.
- Wald A.* Über einige Gleichungssysteme Mathematischen Ökonomie // Zeitschrift für National-ökonomie. 1936. Bd. 7. S. 637—670. English translation: On some systems of equations in Mathematical Economics // Econometrica. 1951.
- Walras L.* Théorie Mathématique de la Richesse Sociale. Paris, 1877.
- Walras L.* Elements of Pure Economics or The Theory of Social Wealth. London, 1954.
- Wicksell K.* Lectures in Political Economy. London, (1962 [1906]). Vol. 1.
- Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М., 2000.
- Маршалл А.* Принципы экономической науки: в 3 т. М., 1993.
- Сраффа П.* Производство товаров посредством товаров. М., 1999.
- Хикс Дж. Р.* Стоимость и капитал. М., 1993.

Пер. с англ. Д. В. Мельника